

Название организации-благополучателя:

Некоммерческое партнерство “Центр социально-экономических исследований и региональной политики”

Договор благотворительного пожертвования:

SP-02-1-05

Срок исполнения проекта:

1 июня 2002 г. по 31 мая 2003 г.

Руководитель проекта:

к.с.н. Сергиенко А.М.

Основные участники проекта:

д.с.н. Калугина З.И., д.с.н. Троцкий А.Я., к.с.н. Родионова Л.В., Фадеева О.П.,
Муронова И.Ю., Родионова О.Е., Кобыленко Е.В.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИТИЧЕСКИЙ ОТЧЕТ ПО ПРОЕКТУ

**«Экономическое поведение и социальные эксклюзии
на сельском рынке труда»**

Барнаул – 2003 г.

Глубокие качественные преобразования в нашей стране, обусловленные радикальной социально-экономической реформой, отразились на всех сферах жизнедеятельности общества. На рынке труда наблюдаются противоречивые тенденции. С одной стороны, создание кооперативных и частных предприятий, акционирование государственных предприятий и колхозов, развитие предпринимательской деятельности привели к многообразию форм занятости и мест приложения труда, увеличили возможности для самореализации населения в сфере экономики. С другой стороны, разразившийся экономический кризис вызвал обнищание населения, появление безработицы, усиление дискриминации отдельных категорий населения (по полу, возрасту, месту проживания и др.), массовые нарушения основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере. Преодоление ситуаций и состояний социальной эксклюзии на рынке труда является приоритетной задачей современной социальной политики. В условиях ограниченных финансовых ресурсов и отсутствия действенных механизмов исполнения нормативно-правовых актов основную роль в решении этой задачи должна сыграть активизация экономического поведения населения. Особенно актуально это для сельской местности, отличающейся значительной спецификой экономического поведения населения, относительно неблагоприятными, по сравнению с городскими, условиями жизни, более напряженной ситуацией на рынке труда и соответственно более глубоким проявлением социальных эксклюзий при существенно меньшем влиянии региональных и муниципальных органов управления в регулировании рынка труда.

Основной целью исследования являлось изучение особенностей экономического поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда регионов России в годы реформ (1992-2002 гг.), механизмов их взаимовлияния и разработка на этой основе предложений по совершенствованию политики регулирования рынка труда.

В результате исследования были решены следующие *задачи*:

- выявлены особенности и основные модели экономического поведения различных групп населения на сельском рынке труда, механизмы их формирования и результаты;
- рассмотрены социальные эксклюзии на рынке труда и формы их проявления, определены причины возникновения, оценены масштабы и выделены группы риска, наиболее подверженные эксклюзиям;
- описаны факторы и механизмы взаимовлияния экономического поведения и социальных эксклюзий;
- раскрыты современные особенности формирования и реализации политики регулирования рынка труда, дана оценка ее эффективности;
- разработаны предложения по активизации экономического поведения населения на

рынке труда и преодолению (либо недопущению) социальных эксклюзий.

Базовой гипотезой исследования являлось следующее утверждение: в условиях развития рыночных отношений усиливается взаимовлияние экономического поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда. Социальные группы, реализующие стратегии активного экономического поведения, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии. Ситуации и состояния социальной эксклюзии не способствуют формированию моделей активного экономического поведения.

Был проверен и ряд **частных гипотез**.

1. Экономическое поведение населения обусловлено влиянием целого ряда факторов, главными из которых являются социально-экономическое положение населения, экономические потребности, интересы, установки различных социальных групп, а также проводимая Центром и на местах социально-экономическая политика.

2. Социальные группы, различающиеся своим положением, интересами, ценностями в сфере занятости, характеризуются специфическим набором стратегий экономического поведения. Экономическое поведение сельского населения на рынке труда отличается большей традиционностью и консервативностью в сравнении с поведением горожан.

3. Институциональные преобразования и кризисные явления в российском обществе привели к расширению масштабов и обострению ранее существовавших на сельском рынке труда социальных эксклюзий и возникновению новых.

4. Социальные группы, находящиеся в состоянии социальной эксклюзии, демонстрируют разные адаптационные стратегии, которые обусловлены конкурентоспособностью, ценностными ориентациями и степенью экономической активности этих групп.

5. На современном рынке труда наряду с традиционными социально депривированными группами становятся работники высококвалифицированного труда, проживающие на периферийных, неурбанизированных территориях.

6. В современной политике регулирования рынка труда недостаточно учитываются особенности экономического поведения отдельных категорий населения, что является одной из основных причин возникновения и обострения здесь ситуаций и состояний социальной эксклюзии.

Обзор литературы

В отечественной и мировой науке социологами, экономистами, психологами разработаны различные подходы к изучению экономического поведения и социальных эксклюзий на рынке труда. Классические подходы к изучению экономического поведения

выработаны К. Марксом, Э. Дюркгеймом, М. Вебером, В. Зомбартом, Г. Зиммелем. Значительный вклад в изучение данной темы внесли труды Д. Белла, К. Поланьи, Т. Парсонса, Н. Смелзера, Дж. Голдторла, М. Грановеттера, П. Димаггио, Дж. Коулмена, А. Стинчкомба, А. Этциони и др. Среди современных работ в этой области следует выделить исследования, касающиеся процессов формирования и результатов экономического поведения в сфере доходов и занятости, отдельных стратегий и составляющих экономического поведения, проблем его регулирования (Дж. Скотт, Х. Уайт, Т. Эггертссон, F. Check-Teck, F. Coricelli, D. Mabbett, S. Miller, K. Kammeyer, H. Kerbo, и др.). Особое внимание в последние два десятилетия зарубежными учеными (J. Berghman, F. Bernard, D. Gallie, J. Habermas, S. Jacobs, R. Layte, P. Lodovico, T. Marshall, D. Mayes, S. Paugam, G. Room, R. Salais, C. Whelan и др. [44-50]) уделено анализу социальных эксклюзий, в т.ч. главным образом безработицы, вынужденной неполной занятости, бедности.

Среди российских ученых, занимавшихся данными вопросами, следует выделить русского философа С.И. Булгакова, раскрывшего в своей теологической трактовке хозяйственных отношений («Философия хозяйства») творческую природу человеческого труда и поставившего вопрос о «сверххозяйственной цели хозяйства». В последнее десятилетие изучение экономического поведения и социальных эксклюзий на рынке труда в той или иной степени реализуется на уровне России и отдельных регионов в рамках мониторинговых исследований ВЦИОМ, а также в коллективах, возглавляемых З. Голенковой, Л. Гордоном, Т. Заславской, З. Калугиной, Р. Капелюшниковым, В. Радаевым, Н. Римашевской, Р. Рывкиной, Л. Хахулиной, Т. Шаниным, В. Ядовым и отдельными учеными (А. Агабекяном, Л. Борисовой, Ф. Бородкиным, В. Верховиным, В. Гимпельсоном, Е. Мостовой, Н. Поляковой, А. Гордиенко, З. Куприяновой, В. Кабалиной, С. Кларком, П. Чукреевым, М. Шабановой и др.) [1, 4, 7, 9-13, 22, 24-25, 32-33, 35, 39]. Исследователи уделяют внимание анализу процессов в сфере занятости (в том числе социальных эксклюзий) с позиций их воздействия на экономическое поведение населения и результатов этого воздействия, анализу экономического поведения отдельных групп населения (сельского и городского населения, молодежи, предпринимателей, безработных и др.), изучению отдельных составляющих экономического поведения на рынке труда (вторичной, скрытой занятости и др.). В работах В. Артемова, Л. Бондаренко, В. Васильева, Н. Власова, П. Ельчанинова, З. Калугиной, А. Никулина, О. Фадеевой, В. Чуракова, А. Шуваева и др. [2-3, 5-6, 8, 12, 18, 35, 40-41] рассматриваются проблемы формирования сельского рынка труда, экономической активности и безработицы сельских жителей, особое внимание уделяется неформальной трудовой занятости последних.

Несмотря на значительное количество научных работ по проблемам экономического

поведения и социальных эксклюзий на рынке труда анализ литературы показал недостаточную разработанность, во-первых, методологического аппарата для исследования особенностей и механизмов взаимовлияния экономического поведения и социальных эксклюзий в современном обществе, во-вторых, проблем экономического поведения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда и, в-третьих, повышения экономической активности населения и преодоления социальных эксклюзий на рынке труда.

Методология исследования

Проведенное исследование базируется на теоретико-методологических положениях экономической социологии и социологии управления, связанных с изучением типичных форм, механизмов формирования и результатов реализации экономического поведения различных групп населения на рынке труда, нарушением их прав и свобод в данной сфере и, как следствие, возникновением и обострением социальных эксклюзий.

Мы опирались на такие понятия как сельский рынок труда, экономическое поведение населения на рынке труда, социальные эксклюзии. В исследовании рассматривается *совокупный сельский рынок труда*. Его главными составляющими являются совокупное предложение, включающее занятых и безработных, проживающих в сельской местности, и совокупный спрос, характеризующий общую потребность аграрной экономики в наемной рабочей силе (замещенные и вакантные рабочие места). Выбор расширительной трактовки рынка труда обусловлен задачами нашего исследования: нельзя решать проблемы безработицы, нищеты, дискриминации в рамках только текущего рынка труда.

Экономическое поведение населения на рынке труда рассматривается как совокупность действий и поступков, связанных с поиском, созданием, сохранением, расширением и использованием мест приложения труда, соответствующих источников получения и распределения доходов различных социальных групп, либо, напротив, с ограничением, свертыванием их активности на рынке труда.

В научной литературе различают понятия процесса, ситуации и состояния *социальной эксклюзии*. Разделяя точку зрения Ф.М. Бородкина, под *ситуацией* социальной эксклюзии на рынке труда мы понимаем трудную ситуацию в жизни индивида или группы, связанную, прежде всего, с нарушением социальных прав личности, соблюдение которых гарантировано международными, национальными и местными нормативно-правовыми актами, регулирующими социально-трудовые отношения; *состояние* социальной эксклюзии - результат рефлексии, осознания ситуации, оно всегда субъективно и в значительной степени определяется психологическим состоянием индивида; *процесс* социальной эксклюзии рассматривается как последовательность состояний, стадий, уровней, глубины,

интенсивности относительной социальной депривированности, или как последовательность обстоятельств, переводящих индивида или группу индивидов из нормального состояния в состояние социальной эксклюзии [4, 23].

В частности, для оценки бедности как одного из видов эксклюзии в работе использовано несколько подходов: 1) на основе самооценки материального положения семьи: к категории бедных отнесены сельские жители, которые считают, что им «средств хватает только на питание» или они «еле сводят концы с концами, практически голодают», причем отдельно выделена последняя наиболее неблагополучная группа, отражающая крайнюю бедность; 2) на основе самооценки уровня среднемесячных совокупных доходов семьи выделена категория бедных, чьи среднедушевые доходы ниже стоимости потребительской корзины или бюджета прожиточного минимума по региону; 3) на основе экспертной оценки уровня бедности.

Информационная база исследования включает:

- 1) данные социологических опросов 2002 г. в трех регионах Сибири (Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай): сельских жителей (N = 1100) и экспертов (N = 53);
- 2) результаты социологического мониторинга по проблемам развития и регулирования рынка труда за 1992-2001 гг., в т.ч.
 - результаты опроса сельских жителей материалы в Новосибирской области в 2000 г. (N = 277);
 - результаты опроса наемных работников, самозанятых, работодателей и безработных в Алтайском крае в 2001 г. (N = 800, в т.ч. 400 сельских жителей);
- 3) данные государственной и ведомственной статистики:
 - о состоянии и динамике рынка труда, в т.ч. показатели уровня экономической активности населения, занятости, общей и регистрируемой безработицы, напряженности на рынке труда, уровня заработной платы, просроченной задолженности по заработной плате;
 - о ситуации в экономике села и региона, в т.ч. показатели, характеризующие динамику валовой продукции сельского хозяйства, структуру производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств, финансово-хозяйственную деятельность предприятий и организаций сельского хозяйства;
- 4) нормативно-правовые документы Российской Федерации и трех обследуемых регионов Сибири по вопросам регулирования сельского рынка труда за 1992-2002 гг., в т.ч. Законы РФ «О занятости населения» и «О государственном регулировании агропромышленного производства» (1997 г.), КЗоТ, программы содействия занятости

населения в Алтайском крае (1992–2002 гг.), Новосибирской области и Республики Алтай (1998–2002 гг.), Закон Алтайского края «О государственной поддержке личных подсобных хозяйств, занятых производством и поставкой сельскохозяйственной продукции в региональный продовольственный фонд» (1999 г.), «Программа поддержки малого предпринимательства в Алтайском крае» и др.

Для реализации основной цели и задач проекта специально был проведен ряд социологических обследований: выборочный опрос жителей Алтайского края, Новосибирской области и Республики Алтай, а также экспертный опрос руководителей и специалистов региональных и муниципальных органов управления, директоров сельхозпредприятий.

Характеристика инструментария выборочного и экспертного опросов 2002 г. (Приложения 1-3). Анкета населения содержит общие для всех респондентов и специальные блоки вопросов для групп населения, занимающих позиции наемного работника, самозанятого, безработного. Отдельные блоки вопросов выделены для лиц, имеющих или имевших в 1992-2002 гг. дополнительную работу и личное подсобное хозяйство. В анкету включены вопросы о социально-экономическом положении респондентов на рынке труда в 1992 г. и на момент опроса, их социально-психологической удовлетворенности этим положением; вопросы об основных действиях и поступках населения, совершенных в 1992-2002 гг. и связанных с поиском, созданием, сохранением, расширением и использованием рабочих мест; вопросы о факторах экономической активности на рынке труда и ее результатах. Большое внимание в анкете уделено оценке ситуаций и состояний социальной эксклюзии, возникающих на рынке труда. Кроме того, в инструментарий включены вопросы об оценке деятельности государственной службы занятости, направлениях совершенствования государственной политики регулирования рынка труда в области повышения экономической активности населения и решения социальных проблем.

В анкете эксперта можно условно выделить четыре блока вопросов. Первый блок посвящен общей характеристике ситуации на региональных и локальных рынках труда и включает вопросы оценки состояния и динамики сельского рынка труда, перспектив его развития, роли отдельных субъектов хозяйствования в формировании новых рабочих мест. Второй блок включает вопросы об основных формах проявления и степени экономической активности отдельных групп сельского населения. Третий блок посвящен изучению масштабов и глубины социальных эксклюзий на рынке труда и содержит вопросы по проблемам безработицы, распространенности неформальных трудовых отношений, нарушения трудовых прав. И, наконец, в четвертый блок вошли вопросы, связанные с оценкой эффективности государственной политики регулирования рынка труда и о путях

совершенствования этой политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях.

В анкете руководителя сельхозпредприятия значительное внимание уделено общей характеристике социально-экономического положения данного предприятия, включающей оценку финансово-экономических проблем, динамики численности работников и качества рабочей силы, наличия вакансий (в т.ч. по профессиям), масштабов скрытой безработицы и избыточных рабочих мест (по профессиям). Далее выделен блок вопросов по социальной политике работодателя, направленной на выявление особенностей формирования и регулирования оплаты труда, кадровой политики и социальной поддержки работников предприятия (что определяет уровень оплаты труда, принято ли оговаривать условия оплаты труда при приеме на работу, какие социальные блага предоставляются на предприятии, имеются ли профсоюз, возможности создания новых рабочих мест и др.). Третий блок вопросов посвящен оценке форм, масштабов и динамики распространенности неформальных трудовых отношений на селе. В заключительной части анкеты работодателю предлагалось оценить ситуацию на сельском рынке труда (в т.ч. виды, формы и масштабы нарушений трудовых прав сельских жителей) и предложить направления ее улучшения.

Технологии сбора социологических данных 2002 г. и характеристика выборки.

Экспедиционное исследование было проведено в октябре-декабре 2002 г. в Алтайском крае, Новосибирской области и Республике Алтай, являющихся яркими представителями трех типов российских регионов: традиционно развитых (Новосибирская область), депрессивных (Алтайский край) и традиционно отсталых (Республика Алтай).

В экспедиции приняли участие сотрудники НП «Центр социально-экономических исследований и региональной политики», ИЭиОПП СО РАН, Института повышения квалификации работников сельского хозяйства СО РАСХН, преподаватели, аспиранты и студенты факультета социологии Алтайского госуниверситета (всего - свыше 25 человек). Основной состав интервьюеров был сформирован из числа проживающих в сельских поселениях либо имеющих близких родственников на селе.

Опрос населения проводился по квотной выборке с выделением групп, различающихся статусом занятости, демографическими характеристиками, отраслевой принадлежностью основного занятия и местом жительства (*Приложение 4, табл. 1*). Для расчета выборки использовались данные государственной и ведомственной статистики. В выборочном обследовании приняли участие:

1) по статусу занятости: 78,6% наемных работников, 12,2% самозанятых, 9,2% безработных;

2) по социально-территориальному составу:

- жители трех регионов Сибири: Алтайского края – 55%, Новосибирской области -32%, Республики Алтай - 13%. Доля опрашиваемого населения в каждом из регионов пропорциональна соотношению численности экономически активного сельского населения;
- жители 43 сельских районов, различающихся уровнем урбанизации и удаленностью от городов и районных центров (для примера см. карту Алтайского края – *Приложение 5*). Основная часть респондентов является сельскими жителями сравнительно крупных населенных пунктов - свыше 1 тыс. чел. (65%);

3) по демографическому составу:

- пол: женщин - 51%, мужчин – 49%;
- возраст: 16-39 лет - 45% респондентов и 40-54(59) лет - 55%;

4) по отраслевому составу: 65% занятых в сельском хозяйстве, 18% - в отраслях социальной сферы, 8% - в торговле и 9% - в остальных отраслях экономики.

Опрос экспертов проводился в форме анкетирования (N = 53) и неформализованного интервью (N = 10). В экспертном опросе приняли участие 13 руководителей и специалистов региональных органов управления, 35 руководителей и специалистов районных и поселковых администраций, центров занятости и 5 директоров сельскохозяйственных предприятий из трех регионов Сибири: Алтайского края (46%), Новосибирской области (44%) и Республики Алтай (10%).

В ходе проведения опросов был осуществлен многоэтапный контроль собранных данных: при первичной проверке работы интервьюера, контроле поля (по окончании полевых работ проведен 10%-ный контроль поля в Алтайском крае и 5%-ный - в Новосибирской области и Республике Алтай), на этапе кодирования, при формировании базы данных и на этапе логической и математической проверки достоверности полученных данных.

Методы анализа данных. Полученные данные проанализированы с использованием математико-статистических методов обработки информации, методов факторного и типологического анализа, моделирования. Проведение одновременного опроса населения в трех различных сельских регионах с использованием общей методологии исследования позволило осуществить сравнительный анализ важнейших характеристик экономического поведения и социальных эксклюзий на рынке труда, механизмов их взаимовлияния и способов адаптации различных групп сельского населения к новым экономическим условиям.

В частности, при проверке базовой и частных гипотез использованы анализ двумерных распределений и анализ зависимости между статистическими показателями. В

частности, использованы корреляционный и дисперсионный анализ таких индикаторов как динамика занятости в отраслевом и территориальном разрезах, динамика характеристик напряженности отраслевых и региональных сегментов рынка труда через показатели зарегистрированной и общей безработицы, уровень заработной платы и задолженности по оплате труда, через гендерные, возрастные и квалификационные асимметрии на рынке труда. Кроме того, проведен анализ зависимости между показателями, отражающими поведение населения на официальном рынке труда (обращение в государственную службу занятости, участие в общественных работах, прохождение профессионального обучения и переподготовки при содействии службы занятости) и показателями, характеризующими социальные эксклюзии на официальном рынке труда (уровень официальной безработицы, социально-демографические диспропорции на официальном рынке труда, размер пособия по безработице).

Для анализа разных типов сельских поселений, различающихся ситуацией на локальном рынке труда, применен метод "case-study". Были выделены три типа ситуаций: благополучная, обусловленная нормальным функционированием поселкообразующего предприятия; неблагополучная, когда поселкообразующее предприятие закрыто или находится на стадии банкротства; третья и четвертая ситуации, где имеется более широкий выбор сфер занятости, когда наряду с сельскохозяйственным производством в данном селе или поблизости имеются предприятия несельскохозяйственного профиля. Исходя из типа ситуаций выявлены доминирующие модели (типы) поведения населения на рынке труда.

Особенности и основные модели экономического поведения сельского населения на рынке труда

Результаты исследования показали, что в годы реформ около 80% сельского населения проявляло какую-либо активность на рынке труда. В зависимости от направленности воздействия на сельский рынок труда, инновационности такого воздействия, социально-экономических последствий осуществляемых стратегий на воспроизводственные процессы рынка, положение на нем самого актора нами выделено три модели (типа) активного поведения населения: 1) *модель конструктивных, инновационных стратегий поведения*, приводящих к прогрессивным изменениям на рынке труда (повышение образования и квалификации в соответствии с требованиями рынка, поиск основных рабочих мест и трудоустройство в соответствии с квалификацией, развитие собственного бизнеса, требование своевременности и увеличения заработной платы); 2) *модель деструктивных, разрушительных стратегий*, формирующих негативные изменения на

рынке труда (чрезмерная интенсификация труда, приводящая к ухудшению здоровья, трудоустройство на рабочие места, требующие более низкой квалификации, снижение трудовой нагрузки, приводящее к недоиспользованию трудового потенциала, воровство и использование оборудования и материалов предприятия в личных целях, производство и продажа самогона) и 3) *модель смешанных стратегий*, оказывающих неоднозначное влияние на рынок труда (расширение или сокращение ЛПХ, трудоустройство на дополнительную работу (в форме сезонных или разовых работ, связанных с сельскохозяйственным производством и строительством, заготовкой топлива, торговым посредничеством), выезд на заработки в другие населенные пункты, распространение неправовых трудовых практик).

Экономическое поведение в сфере ЛПХ. Для жителей сел Западной Сибири главным способом адаптации к изменившимся условиям жизни стали личные подсобные хозяйства (им занято 86% респондентов). На наш взгляд, экономическое поведение в сфере ЛПХ может служить критерием для оценки общей степени активности–пассивности сельских жителей в их стремлении к максимальному использованию имеющихся возможностей и обеспечению приемлемого уровня потребления. По результатам обследования, доходы от ЛПХ составили свыше 40% в семейном бюджете, для трети сельчан оно являлось источником значительного дохода, остальным давало хотя и незначительный доход, но позволяло семье выжить. Примерно 50% респондентов, ведущих ЛПХ, реализуют на рынке половину и более выращенной сельхозпродукции, т.е. являются владельцами высокотоварных, хотя и относительно мелких хозяйств.

Состав сельских подворий в отдельных регионах имеет определенную специфику. В Алтайском крае и Новосибирской области существенно (на 10-40%) выше доля хозяйств, имеющих земельный участок, свиней, птицу, в Республике Алтай – лошадей, овец, коз (*Приложение 4, табл. 2*). Эти отличия объясняются, с одной стороны, особыми природно-климатическими условиями и особым традиционным укладом ведения хозяйства жителями разных регионов, и с другой стороны, - неравномерным спадом общественного производства в отраслях АПК и их различным влиянием на развитие семейных хозяйств. Семьи работников «обанкротившихся» колхозов и совхозов, переименованных в свое время в акционерные общества, лишились возможности получать бесплатно или же закупать по сниженным ценам ресурсы для ведения ЛПХ (в первую очередь корма и молодняк), пользоваться техникой сельхозпредприятий [35].

Ухудшение финансового положения многих сельхозпредприятий, длительные задержки с выплатой зарплаты и массовый характер использования натуроплаты заставили многие сельские семьи интенсивно заниматься ведением ЛПХ, превратив занятость в этом

секторе сельской экономики в доминирующую. За прошедшее десятилетие (с 1992 г. по 2002 г.) 42% всех опрошенных семейств смогли расширить свое хозяйство, нарастить производство – и тем самым смягчить остроту «безденежья» на основной работе и притормозить стремительное падение уровня жизни.

Однако такую стратегию усиления семейного подворья смогли реализовать далеко не все. На наш взгляд, именно ведение ЛПХ в разных объемах обусловило существенное расслоение сельского населения и закрепление неблагополучия среди тех, кто не смог или не захотел увеличить свою нагрузку на собственном подворье. За 10 последних лет почти каждая пятая семья из числа наименее обеспеченных сократила размер своего подсобного хозяйства, 13% семейств этой группы отказались от ведения ЛПХ совсем, в то время как среди группы среднеобеспеченных сократили свое подворье только 8%, а отказались от этой деятельности – лишь 4%.

По оценкам экспертов, в последние годы на селе зримо обозначилась люмпенизированная прослойка, состоящая из людей, не работающих ни на предприятии, ни в своем ЛПХ, отказавшихся даже от выращивания картофеля на собственное пропитание. Эти люди перебиваются случайными заработками, надеются на помощь государства (в т.ч. так поступают некоторые многодетные семьи, живущие в основном на детские пособия). Спрос на таких людей в качестве временных работников предъявляют владельцы средних и крупных ЛПХ, заинтересованные в быстрой и относительно малозатратной уборке урожая (в первую очередь, картофеля), заготовке кормов и топлива. Опросы населения в трех западносибирских регионах показали, что почти 9% владельцев ЛПХ нанимают работников из числа своих односельчан на разовые работы, в Республике Алтай их доля составила 25%.

В ряде случаев отношения между хозяевами и временными работниками приобретают характер батрачества. С увеличением разрыва между богатыми и бедными сельчанами численность батраков растет с каждым годом. С такими временными (поденными) работниками принято рассчитываться продуктами и алкоголем. Иногда батрачество закрепляется шинкарным бизнесом.

Особую роль в развитии личных подсобных хозяйств играет неформальная межсемейная кооперация. В периоды уборочной страды силами нескольких семейств поочередно без промедления скашивается, «ставится», а затем вывозится сено, быстро убираются «картофельные плантации», происходит забой скота. И хотя в среднем в обследованных селах родственная и соседская помощь в ведении ЛПХ оценивается более чем скромно (родственники и знакомые помогают 14% семей, кооперация усилий происходит лишь в 3% случаев), в небольших селах (с численностью от 100 до 500 человек) масштабы такой поддержки весьма внушительны – помощью родственников и знакомых

смогли воспользоваться до 30% опрошенных жителей таких поселений, кооперировались между собой 8%. В этих же поселениях наиболее высока доля владельцев ЛПХ, привлекающих наемных работников, - 17%.

Следует отметить, что именно малые отдаленные поселения попали в число самых уязвимых с точки зрения наличия работы и оплачиваемой занятости. В настоящее время в Новосибирской области уже в более чем 150 селах ликвидированы крупные сельхозпредприятия. Еще в 100 селах они находятся в состоянии фактического банкротства. По сути, речь идет о новом массовом явлении - селах, в которых отсутствуют крупные или какие бы то ни было работодатели. Поэтому развитие семейных подворий стало для жителей таких сел единственной возможностью «удержаться на плаву», выжить, поднять детей. И справиться с этой задачей легче там, где задействован социальный капитал местных сообществ, найдены эффективные и справедливые механизмы неформальных взаимодействий.

В настоящее время жители сибирского села больше всего заинтересованы в развитии бытовых кооперативов, которые могли бы собирать молоко или мясо с крестьянских дворов, формировать оптовые партии этой продукции и доставлять ее на перерабатывающие заводы и рынки. Это позволило бы всем членам кооператива иметь стабильный источник доходов и выручать больше денег, в сравнении с тем, что достается сейчас крестьянам от продажи небольших объемов продукции заезжим перекупщикам. Также на кооперативных началах могли бы производиться работы по вспашке огородов, осуществляться откорм скота, пользование техникой, мастерскими. По нашему мнению, с помощью кооперативов можно было бы вывести из «тени» личные подсобные хозяйства, которые до сих пор в основном находятся вне правового поля российской экономики. Задача местных властей – найти пути создания таких кооперативов, поощрить их развитие «снизу», выделить необходимые средства и расставить приоритеты для развития подобных инициатив.

К сожалению, действующая государственная социальная политика не настроена на поощрение активности людей, в том числе в деле самовыживания, а скорее, наоборот, стимулирует пассивность тех, кто смирился со своим неблагополучием, отвык работать и ждет очередных пособий по бедности.

Многие опрошенные нами эксперты убеждены, что *на селе нет условий для работы. Стремление подняться, обеспечить будущее своим детям* заставляет людей искать выход, вести крепкое подсобное хозяйство, *а лень, вредные привычки и заниженный порог чувствительности* к своему положению «опускают» людей все ниже и ниже. Отсюда – нежелание работать, нежелание детей из таких семей учиться. Задача государства в лице его социальных органов – не только помогать нуждающимся семьям, но и поощрять стремление

людей (и особенно подростков) к труду. Как сказал один из экспертов, *«это самый мощный рычаг, который способен вытолкнуть человека с социального дна. Это нужно замечать, нужно всячески поддерживать, иначе мы не справимся с достаточно большой категорией людей, которые уже привыкли довольствоваться малым, и тогда будем вынуждены констатировать полную социальную деградацию на селе. Нас очень сильно испортила система социального обеспечения, она породила определенный инфантилизм и частично продолжает это делать»*.

Дополнительная занятость на селе. Дополнительная занятость сельских жителей представляет собой достаточно неустойчивое явление, меняющее свои масштабы и формы проявления. Опрос 2002 года в трех регионах Западной Сибири зафиксировал 14% сельских жителей, имевших в последний год дополнительную работу, исключая ЛПХ.

Выполняемые работы в основном имеют кратковременный характер. Так, из числа подрабатывающих респондентов более половины (52%) указали на то, что им приходилось заниматься только разовыми работами, для каждого пятого - это была сезонная работа, для 16% сельчан – временная работа, и только 13% работников, имевших дополнительную занятость, работали «по совместительству».

В годы реформ круг работодателей в сельской местности расширился за счет распространения практики неформального найма. Можно сказать, что к числу особенностей сельской занятости относится примерно равное распределение вторичных рабочих мест между организованным и неорганизованным секторами. Если в городе основными поставщиками «вторых» рабочих мест выступают юридические лица, то в селе в этом качестве на равных с предприятиями и организациями участвуют и физические лица (на их долю приходится от 50 до 60% подработок).

Из-за экономического кризиса на многих сельхозпредприятиях, полной или частичной ликвидации предприятий социально-бытовой сферы на селе и, как следствие, недоступности для сельских жителей многих услуг вырос спрос на неформальные виды обслуживания. В результате этого в последние несколько лет увеличилось число работников, оказывающих платные услуги населению в свободное от основной работы время. Речь идет о выполнении сельскохозяйственных (обработка земли и сбор урожая) и строительных работ (ремонт и строительство домов и надворных построек), ремонте и пошиве одежды и обуви, заготовке топлива, сборе и переработке грибов и ягод, оказании транспортных и других услуг (*Приложение 4, табл. 3*). В этом перечне лидирующее положение остается за рабочими местами, требующими низкой профессиональной квалификации работников. По нашим данным, более 50% выполненных работ в этом сегменте рынка можно отнести к

«неквалифицированному» труду, около 45% - соответствуют уровню требований профессиональных рабочих специальностей.

Следует отметить, что неформальное обслуживание способно более гибко реагировать на возможности покупателей услуг и учитывать интересы тех, кто их оказывает. Это выражается в применении комбинированных форм оплаты, когда помимо денег крестьяне расплачиваются с наемными работниками продуктами питания (18% случаев), спиртными напитками (17%), кормами и молодняком животных (9%).

Наши данные позволяют говорить о специфике выполняемых работ в зависимости от обследованного региона и людности сельских поселений. По сути, дополнительная занятость распространяется на наиболее доступные и эффективные способы заработка и частично компенсирует дефицит услуг, необходимых сельским жителям. Так, среди подрабатывающих жителей небольших отдаленных сел (где проживает от 100 до 500 человек), доля лиц, занимающихся частным извозом, составила почти 30% (на фоне 4-6%-ной доли частных водителей-«нелегалов» в более крупных селах). В крупных поселениях (с численностью жителей от 1000 и более человек), где проблемы транспортной доступности не столь остры, а население более обеспечено, чем на периферии, относительной популярностью среди имеющих дополнительную занятость пользуется строительный бизнес – здесь подрабатывал каждый пятый, в то время как в малых селах доля «неформальных» строителей в общем числе вторично занятых составила от 4 до 6%. В республике Алтай, где спад производства в аграрном секторе оказался наиболее сильным по сравнению с Новосибирской областью и Алтайским краем, жители сел выживают за счет элементарного собирательства «даров природы», рыбалки и охоты и благодаря развернувшемуся строительному буму в местах массового отдыха и туризма (*Приложение 4, табл. 3*).

Судя по оценкам респондентов, дополнительная занятость вносит весомый вклад в семейный бюджет. В среднем по всему массиву подрабатывающие сельские жители смогли увеличить свои доходы на 20-25%, несмотря на нерегулярный и относительно кратковременный характер подработок. Это обстоятельство объясняет приверженность большей части этой группы к подобному виду деятельности: 55% из тех, кто подрабатывает сейчас, намерен и в будущем совмещать основную и дополнительную работу.

Специфика экономического поведения отдельных социальных групп.
Экономическое поведение сельских жителей значительно дифференцировано в зависимости от статуса занятости, материального положения, социально-демографических характеристик и места проживания.

Подавляющее большинство наемных работников увеличивало свою трудовую нагрузку через повышение интенсивности труда, дополнительную занятость, расширение

ЛПХ. Наиболее распространенными стратегиями поведения самозанятых и работодателей являлись развитие фермерских хозяйств и ЛПХ, открытие торговых, строительных и других предприятий, при этом свыше трети самозанятых работало без регистрации. Безработные в основном занимались ведением ЛПХ и временными подработками и только каждый десятый из них искал работу (табл. 1-2).

В целом экономическое поведение сельского населения на рынке труда отличалось большей традиционностью, консервативностью и пассивностью в сравнении с поведением горожан. Сельскими жителями чаще реализовывались такие деструктивные стратегии или стратегии смешанного типа как расширение или свертывание ЛПХ, вынужденное снижение трудовой нагрузки (как правило, вследствие отсутствия подходящих рабочих мест), снижение и задержка работодателями заработной платы работников и др. С другой стороны, сельчане реже реализовывали стратегии инновационного, конструктивного характера: повышение образования и квалификации, справедливое требование повышения заработной платы, поиск основного места работы в соответствии с квалификацией и др. Более существенна среди сельских жителей доля реализующих пассивную стратегию, т.е. тех, кто ведет себя на рынке труда пассивно, не предпринимая специально никаких действий для улучшения своего положения (11 и 20%, по разным оценкам, против 9 и 14% среди горожан).

Бедные чаще других категорий населения сокращали свои ЛПХ, поскольку последние требовали дополнительных затрат, добивались регулярности выплаты заработной платы, искали любую работу, были заняты преимущественно в низкодоходных отраслях экономики и в целом характеризовались наиболее низкой экономической активностью. Стратегия развития ЛПХ в большей степени связана с «средняками» (средней группой по уровню материального благополучия), кроме того, они чаще других требовали повышения заработной платы, использовали оборудование и материалы предприятия в личных целях. Для наиболее благополучной группы сельчан было характерно открытие и расширение бизнеса, занятость в более прибыльных отраслях, повышение образования и квалификации, дополнительная работа, как правило, в виде посреднической деятельности при реализации сельхозпродукции.

Мужчины занимали более активную позицию на рынке труда по сравнению с женщинами, что выражалось в большей распространенности таких стратегий как дополнительная занятость, организация и развитие собственного дела, требование увеличения и своевременной выплаты заработной платы, интенсификация трудовой деятельности. Женщины напротив отличались большей склонностью к традиционным формам экономического поведения (ведение ЛПХ).

Массовым прибежищем для потерявших работу женщин и молодых девушек, не

Таблица 1

Экономическое поведение наемных работников и безработных, % (2001 г.)

Наемные работники			Безработные		
Действия, стратегии	Село	Город	Действия, стратегии	Село	Город
Добивался повышения уровня заработной платы	14,6	19,4	Обращался в государственную службу занятости	49,1	64,2
Добивался регулярности выплат заработной платы	15,8	9,8	Обращался в негосударственную службу занятости	10,9	19,4
Увеличивал интенсивность, производительность труда	25,1	32,1	Обращался к родственникам и знакомым	45,5	65,7
Снизил трудовую нагрузку	5,4	3,8	Обращался непосредственно на предприятия, в организации, фирмы, звонил по объявлениям	43,6	56,7
Участвовал в реализации продукции предприятия	10,7	14,2	Обращался в местные органы власти (администрация села, района, города)	29,1	1,5
Использовал оборудование предприятия в целях дополнительного заработка	4,8	6,1	Повышал образование, квалификацию	7,3	16,4
Искал другое основное место работы	21,4	25,7	Расширял ЛПХ	18,2	13,4
Искал дополнительную работу	14,9	20,8	Сворачивал ЛПХ	7,3	4,5
Продавал, сворачивал ЛПХ	7,0	1,4	Выезжал в другой город в поисках работы и заработка	10,9	9,0
Повышал образование, квалификацию	23,9	41,0	Предпринимал попытки открыть собственное дело	10,9	9,0
Расширял ЛПХ	34,1	7,5	Пытался получить статус безработного	18,2	20,9
Пытался открыть свой бизнес	7,0	9,2	Ничего не предпринимал	7,3	4,5
Ничего не предпринимал	13,2	11,0			

Таблица 2

Экономическое поведение работодателей и самозанятых, % (2001 г.)

Работодатели			Самозанятые		
Действия, стратегии	Село	Город	Действия, стратегии	Село	Город
Открывал и развивал собственный бизнес	81,8	76,2	Открывал и развивал собственный бизнес	70,9	73,5
Перепрофилировал предприятие	18,2	14,3	Пытался использовать наемный труд, но это оказалось не выгодным	12,7	10,3
Временно приостанавливал деятельность предприятия в связи с экономическими и правовыми трудностями	18,2	14,3	Временно закрывал свой бизнес в связи с экономическими и правовыми трудностями	1,8	16,2
Вынужденно снижал затраты на производство основных фондов	18,2	19,0	Перепрофилировал производство, изменил вид деятельности	9,1	14,7
Принимал на работу в основном низкоквалифицированную, дешевую рабочую силу	36,4	9,5	Повышал образование, квалификацию	16,4	32,4
Принимал на работу в основном высококвалифицированную рабочую силу	50,0	66,7	Приобретал, развивал ЛПХ	40,0	7,4
Временно задерживал заработную плату с целью сохранения предприятия	31,8	14,3	Продал, сворачивал ЛПХ	9,1	2,9
Вынужденно снижал заработную плату работников	13,6	9,5	Другие формы занятости	7,3	8,8
Увольнял только неконкурентоспособных работников	45,5	52,4	Выезжал в другой город с целью развития бизнеса	18,2	22,1
Старался удерживать рабочие кадры путем увеличения зарплаты	50,0	28,6	Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	16,4	22,1
Повышал образование, квалификацию	36,4	47,6	Принимал на работу членов своей семьи	18,2	16,2
Пытался трудоустроиться по найму на высокооплачиваемую работу	9,1	9,5			
Закрыл собственный бизнес	9,0	4,8			

имеющих трудового стажа, стала сфера торговли в районных центрах. По оценкам экспертов районных служб занятости, наиболее востребованными на локальном рынке труда являются продавцы для работы в киосках, на рынках, на уличных лотках. Сюда берут всех, в т.ч. тех, у кого нет образования и опыта работы. Большой спрос вызван повышенной текучестью в этой профессиональной группе. Как правило, молодых девушек берут торговать без надлежащего юридического оформления, платят им маленькую зарплату, часто нарушают первоначальные договоренности. Через некоторое время многие из начинающих продавщиц бросают работу. Сфера торговли была признана экспертами в качестве основной с точки зрения распространенности неправовых трудовых практик.

Для мужчин активным способом адаптации к вынужденной безработице стали маятниковая миграция для работы в охранном «городском» бизнесе, реже – в строительной сфере крупного города, а также вахтовый способ работы на нефте- и газодобывающих предприятиях Сибири (вербовка на вахту зачастую осуществляется через районные службы занятости). Этот нетрадиционный прежде тип занятости стал спасением активной части сельских мужчин от хронической безработицы и привнес новые элементы в уклад и образ жизни сельской семьи. Отчасти это сказалось на уменьшении трудоемкости ведения личного подсобного хозяйства в тех семьях, где мужчины временно отсутствуют, и привело к свертыванию или сокращению объемов производства на таких семейных подворьях.

В тех селах, где сельхозпредприятие находится на грани банкротства, долго не выплачивает зарплату, сельские семьи нередко спасают женщины, работающие в социальной сфере (в школах, больницах, детских садах и пр.), где заработная плата стабильна и выплачивается достаточно регулярно. В других случаях внутри семьи происходит разделение: мужья остаются работать в коллективном хозяйстве, чтобы обеспечить кормами и другими ресурсами семейное подворье, а жены полностью «уходят» в ЛПХ и торгуют на рынке своей продукцией.

Стратегии адаптации жителей сельских районов во многом зависят от места жительства и структуры расположенных на данной территории предприятий. В первую очередь можно говорить о разнице в стратегиях жителей районных центров, крупных сел (центральных усадеб) и мелких поселений. Жители районных центров обладают большими возможностями трудоустройства, тем более, что предприятия переработки, расположенные, как правило, в малых городах и рабочих поселках, переживают в последние 2-3 года «бум возрождения». Именно с этими процессами опрошенные эксперты связывали некоторые улучшения на локальном рынке труда своего района.

Высокой активностью характеризовалось и население урбанизированных сельских районов, они в большей мере занимались развитием бизнеса, поездками на заработки в

другие населенные пункты, регионы, постоянными и временными подработками, использовали оборудование, корма, удобрения, семена сельскохозяйственных предприятий в личных хозяйствах (*Приложение 4, табл. 4-7*). Жители неурбанизированных районов¹ более активно занимались ЛПХ.

По данным опросов населения и экспертов, наиболее активными группами являлись представители среднего трудоспособного возраста, жители районных центров урбанизированных районов, преимущественно со средним уровнем образования и квалификации, занятые в основном в сельском хозяйстве и торговле, имевшие средние доходы, по статусу занятости – это наемные работники, самозанятые и работодатели.

Особенности экономического поведения сельских жителей в зависимости от ситуации на сельском рынке труда. Для анализа особенностей экономического поведения нами выбран ряд индикаторов развитости рынка труда: 1) *возможность альтернативного выбора рабочих мест* для работника и альтернативного выбора работника, осуществляемого работодателем; 2) *возможность ведения торга* по поводу заработной платы, условий труда, возможность получения социальных гарантий, социальных льгот на предприятии; 3) *соотношение формальных и неформальных посредников*, к услугам которых прибегают покупатели и продавцы рабочей силы. Попытаемся с этих позиций проанализировать поведение сельских работников на рынке труда.

Изучение условий найма показывает, что и в современных условиях более половины (57%) опрошенных сельских работников *не имели возможности альтернативного выбора места работы*. Это обусловлено спецификой отраслевой структуры рабочих мест в сельской местности, отсутствием разнообразия сфер приложения труда вследствие низкого уровня развития производственной и социальной инфраструктуры, узким спектром перерабатывающих производств, а также «анклавизацией» сельского рынка труда. Отмеченные диспропорции в структуре рабочих мест на сельском рынке труда резко возросли в последнее десятилетие – в период реорганизации сельскохозяйственных предприятий, сопровождавшейся резким сокращением объемов сельскохозяйственного производства. Передача социально-бытовой инфраструктуры на баланс местных администраций, которые не имеют к настоящему времени, ни финансовых, ни материальных, ни кадровых ресурсов для ее содержания и развития, привела к деградации социальной сферы села и сузила и без того небогатый выбор рабочих мест.

Неразвитость инфраструктуры рынка труда на селе, отсутствие до последнего времени формальных посредников трудоустройства привели к тому, что при поиске работы

¹ В работе использована типология сельских районов по степени урбанизированности, построенная А. Троцковским [34].

сельский житель вынужден полагаться в основном на собственные силы и инициативу. Опрос 2002 г. показал, что в 70% случаев работники сами находили подходящую работу. Около 8% респондентов получили работу по распределению после окончания учебного заведения. Доля работников, воспользовавшихся услугами института государственного распределения рабочей силы через федеральные службы занятости очень мала (менее 2%). Примерно столько же работников воспользовались услугами частных кадровых агентств или других посреднических фирм. Эти данные свидетельствуют о слабом влиянии формальных каналов трудоустройства на сельском рынке труда.

Более 12% сельских жителей устраивались на работу по знакомству (через друзей, коллег, родственников). На наш взгляд, широкая распространенность неформальных социальных сетей, соединяющих работодателей и наемных работников, ограничивает свободную конкуренцию и создает особый механизм подбора работников.

Анализ полученных результатов свидетельствует о том, что российский сельский работник *не имеет опыта ведения торга с работодателем* в момент найма на работу. Среди опрошенных только 5% сельских работников обсуждали условия найма, более 35% - не обсуждали их и не вели торга, так как были согласны на любые условия, а еще 7% не обсуждали условий найма, так как не смогли этого сделать. Примерно в половине случаев работников устраивали предлагаемые условия.

В прежние годы при поступлении на работу работодатели обещали работникам предоставить ряд социальных льгот, а именно: регулярную оплату труда, получение жилья, места в детских дошкольных учреждениях, помощь в ведении личного подсобного хозяйства. Эти обещания в основном выполнялись. В настоящее время бедственное экономическое положение большинства сельскохозяйственных предприятий привело к свертыванию социальных программ и нарушению элементарных социальных гарантий.

Социальные эксклюзии на сельском рынке труда, масштабы и формы их проявления

Институциональные преобразования и кризисные явления в российском обществе привели к обострению ранее существовавших на сельском рынке труда социальных эксклюзий и возникновению новых. Основными формами проявления социальных эксклюзий являются: 1) *безработица* как эксклюзия от гарантий государства в сфере занятости, от оплачиваемой работы; 2) *бедность* как эксклюзия от средств к существованию в ситуации безработицы и занятости, 3) *неправовые трудовые практики, значительные масштабы теневого рынка труда*, поскольку здесь трудовые права работников не

соблюдаются и не могут быть защищены государственными и общественными институтами; 4) *экслюзия от информации*, приводящая к нарушениям основных прав и свобод человека в социально-трудовой сфере; 5) *экслюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования*.

В целом результаты исследования позволили выявить значительные масштабы социальных экслюзий: практически все респонденты в той или иной мере сталкивались с нарушением своих прав на рынке труда (табл. 3; Приложение 4, табл. 8). При этом эксперты отмечают низкий уровень информированности сельчан о трудовых правах, безработных - о вакансиях, наемных работников – об условиях и оплате труда. Об этом свидетельствуют те данные опроса населения (Приложение 4, табл. 9).

Таблица 3

Формы социальной экслюзии на сельском рынке труда в 2002г., %

Характеристики	Всего	В том числе:		
		Алтайский край	Новосибирская область	Республика Алтай
Не имеют работы более 1 года (безработные)	64,4	57,4	63,6	86,4
Сталкиваются с задержками по заработной плате	60,2	56,0	64,7	65,0
Средняя задержка по заработной плате, мес.	5	6	4,5	2
Установлена необоснованно низкая заработная плата	74,7	81,0	71,3	58,0
Выплата заработной платы производится преимущественно в натуральной форме	20,3	18,0	27,8	7,0
Доля натуроплаты в оплате труда	35	44	27	27
Ненормируемый рабочий день, высокая интенсивность труда	30,2	27,0	34,4	31,0
Отказ в предоставлении очередного отпуска, сокращенный отпуск	10,4	7,5	13,6	13,0
Отсутствие компенсационных выплат за работу во вредных условиях	15,8	8,6	24,0	22,0
Отсутствие медицинского страхования (самозанятые)	24,8	25,6	15,0	31,6
Отсутствие пенсионного страхования (самозанятые)	28,7	28,9	15,0	42,1
Плохое материальное положение семьи (бедные)	41,1	46,1	40,6	21,1

Исключение экономически активного населения из сферы занятости является острой социальной проблемой. Безработица приводит к снижению доходов, потере квалификации и трудовых навыков, ухудшению здоровья, ограничению круга общения, ощущению своей бесполезности, нравственной и психологической деградации личности, росту алкоголизма, усилению социальной напряженности на рынке труда. По данным

статистики, в 2002 г. численность безработных в изучаемых регионах (согласно методике МОТ) составила 89 тыс. человек, а ее уровень 9% (*Приложение 4, табл. 10*). По оценкам экспертов, уровень реальной безработицы составил 24% и достигал в отдельных поселках 40%-70%. При этом 2/3 безработных не имело работы более года.

Большая часть безработных ушла с последнего места работы по собственному желанию главным образом из-за низкой заработной платы, 24% было уволено вследствие реорганизации или ликвидации предприятий, сокращения рабочих мест. По мнению респондентов, в первую очередь увольняли работников с небольшим стажем работы и низкой квалификацией.

В годы экономических реформ наблюдалось массовое обнищание сельского населения. В анализируемый период уровень бедности возрос в 2,7 раза и составил свыше 40% по данным опроса и 50% - по оценкам экспертов. Заниженная оплата труда, ее многомесячные задержки, выплата в натуральной форме не позволяли большинству населения обеспечить качественное питание, полноценный отдых, хорошее медицинское обслуживание, покупать необходимую одежду, товары длительного пользования, решить жилищную проблему, оплачивать обучение детей, что приводило к быстрому психофизическому истощению жизненных сил человека.

На необоснованно низкое вознаграждение за труд указало, по разным оценкам, свыше 55-75% наемных работников и 40% самозанятых (*табл. 3; Приложение 4, табл. 11-12*). Распространенной практикой стали длительные невыплаты зарплаты сельским труженикам и замена денежной оплаты труда на суррогатные формы (натуроплата, «отоварка», выдача продукции под запись и пр.). На момент опроса проблема задолженности по заработной плате коснулась 60% наемных работников, задержка в оплате труда в среднем составила пять месяцев, а для каждого двадцатого она превышала 2-3 года. Натуроплата использовалась на подавляющем большинстве сельских предприятий и составляла в среднем 35% от выплачиваемой суммы. Для 20% работников такой вид оплаты является основным, отдельные работники не получали заработную плату в денежной форме 10 и более лет (*табл. 3; Приложение 4, табл. 11*).

Исследователи отмечают широкое распространение неформальных, неправовых трудовых отношений на российском рынке труда. Данные нашего исследования показывают, что сибирское село не является исключением. Свыше 60% экспертов отмечают высокий уровень распространения неформальных трудовых практик на предприятиях торговли, сельского хозяйства и строительства. Примерно каждый десятый сельский работник работает на условиях устного найма, устной договоренности. При этом в Новосибирской области такая форма найма применяется примерно в четыре раза чаще, чем в Алтайском

крае и примерно вдвое по сравнению с республикой Алтай.

Масштабы неформальной занятости в аграрной экономике напрямую зависят от экономического положения сельскохозяйственных предприятий. При этом легко было заметить, что чем ниже уровень социально-экономического развития предприятия, тем большую роль в выживании семей имеет личное подсобное хозяйство. Экономически сильные хозяйства не только снижают потребность работников в ведении крупных ЛПХ, но и значительно улучшают условия его ведения за счет оказываемой помощи [12, С. 90-110].

Эксклюзия от сетей социальной безопасности, социального страхования проявляется в наличии для наемных работников таких проблем как отсутствие компенсаций за работу во вредных условиях и сверхурочную работу, сокращенный рабочий день и принудительные отпуска или, наоборот, сокращенный отпуск и отказ в его предоставлении; отсутствие сильных общественных организаций по защите интересов работников, снижение влияния профсоюзов (*табл. 3; Приложение 4, табл. 13*). Самозанятые выделили такие важные для себя проблемы как ненормированный рабочий день, работа без выходных и отпуска, сверхнормативная физическая нагрузка, отсутствие пенсионного и медицинского страхования. Безработные отметили проблемы, связанные с ограниченностью рабочих мест и регистрацией в центрах занятости, в т.ч. вследствие механизмов сдерживания постановки на учет (*Приложение 4, табл. 13*).

Кроме того, в ходе исследования выявлен особый сельский феномен в проявлении социальных эксклюзий, во-первых, *эксклюзия от территориальной доступности вакантных рабочих мест и учреждений образования, повышения квалификации в географически близких населенных пунктах, услуг государственной службы занятости и, во-вторых, эксклюзия от выбора некрестьянского образа жизни*. Резкое сокращение объемов сельскохозяйственного производства в коллективных хозяйствах, неразвитость социальной инфраструктуры вынуждают практически все сельское население вести личное подсобное хозяйство, опираясь на тяжелый физический, немеханизированный труд членов своей семьи.

Ситуации эксклюзии вызывают напряжение, беспокойство, неуверенность в будущем, на что указало более 70% сельчан, 11% респондентов испытывали полную апатию, равнодушие ко всему (*табл. 4*). Состояние социальной эксклюзии более остро переживали бедные, длительно неработающие, женщины, лица среднего и старшего трудоспособного возраста.

Практически все бедные и безработные испытывают беспокойство, неуверенность в будущем, напряжение, или находятся в состоянии апатии, равнодушия ко всему. В целом сравнительно высока доля тех, кто в последнее время испытывает в какой-либо степени негативное состояние, ощущения: от 40% до 2/3 всех сельских жителей. Однако особое

внимание должно быть уделено группе сельских эксклюзантов, находящихся либо в состоянии напряжения, либо апатии, равнодушия ко всему. К ним относится почти 1/3 бедных, что составляет 13-15% в общей численности сельских жителей (в т.ч. «напряженных» эксклюзантов - 8-10%) - Приложение 4, табл. 14.

Таблица 4

Состояние социальной эксклюзии различных групп сельского населения, %

Характеристики	Уверены	Обеспокоены	Напряжены	Равнодушны
В целом по массиву	19,4	57,1	12,5	10,5
Пол				
Мужчины	23,1	54,3	10,6	11,5
Женщины	15,5	60,0	14,6	9,6
Возраст				
Лица младшего трудоспособного возраста	25,0	50,4	9,7	13,1
Лица среднего трудоспособного возраста	18,9	61,0	11,2	8,9
Лица старшего трудоспособного возраста	17,4	58,0	14,2	10,2
Место жительства				
Проживающие в:				
Алтайском крае	14,2	63,2	12,9	9,2
в том числе в районах:				
урбанизированных	11,3	57,7	25,4	5,6
слабоурбанизированных	14,7	58,0	12,7	14,0
неурбанизированных	14,5	66,2	10,6	8,1
Новосибирской области	17,0	60,5	14,5	7,4
Республике Алтай	47,2	22,5	6,3	23,9
Образование				
Лица с высшим и средним профобразованием	20,9	58,4	12,3	8,0
Лица с начальным профобразованием	14,2	58,2	12,8	12,2
Лица, не имеющие профобразования	29,2	49,0	13,1	15,9
Статус занятости				
Наемные работники	18,5	58,0	12,6	10,5
Самозанятые	25,4	59,7	7,5	6,7
Безработные	18,8	45,5	18,8	10,5
Отраслевая занятость				
Лица, занятые в:				
сельском хозяйстве	18,5	58,1	11,5	11,1
торговле	20,9	51,2	16,3	11,6
отраслях социальной сферы	18,1	59,9	14,8	7,1
других отраслях	24,6	51,5	12,3	11,5

Наше исследование показало, что состояние эксклюзии различается в зависимости от статуса занятости на рынке труда. К эксклюзантам относятся 35% безработных, 25% наемных работников, сталкивающихся с проблемами низкой оплаты труда и ее задержек, натуроплатой и оценивающих несправедливость этой ситуации, и 19% самозанятых, также низко оценивающих получаемое вознаграждение за свой труд. В совокупности эти группы составили 20% сельчан, в т.ч. группы «в состоянии напряжения» – 11%. Таким образом, в целом эксклюзанты (выделенные на основе двух подходов) охватывают от 13 до 20% всех

сельских жителей, в т.ч. группа «напряженных» эксклюзантов составляет 8-11% (*Приложение 4, табл. 14*).

Анализ основных социально-экономических и социально-демографических характеристик респондентов, находящихся в ситуации и состоянии эксклюзии, по результатам опросов населения и экспертов оценок показал, что в их число попадают бедные или низкооплачиваемые работники (преимущественно занятые в сельском хозяйстве), длительно или постоянные безработные, а также безработные в семьях с низким материальным положением, представители старшего трудоспособного возраста (преимущественно старше 50 лет), лица с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), женщины, злоупотребляющие алкоголем (*Приложение, табл. 15*). Соответственно, именно такие категории сельских жителей и являются основными группами риска социальной эксклюзии.

Выявлено также наличие обратной связи между ситуацией социальной эксклюзии на сельском рынке труда отдельных регионов и состоянием эксклюзии. В более благополучных Новосибирской области и Алтайском крае около 80% сельчан ощущают беспокойство и неуверенность в будущем против 30% в Республике Алтай – традиционно отсталом регионе, в то же время в Республике Алтай наиболее высока доля тех, кто уверен в настоящем и с оптимизмом смотрит в будущее - 47% (*табл. 4*). Это объясняется либо спецификой состава опрошенных, либо уровнем потребностей жителей различных регионов. Так, респонденты Республики Алтай имеют более высокие показатели самооценки материального положения семьи, в их национальном составе преобладают алтайцы.

В условиях развития рыночных отношений ***усиливается взаимосвязь экономического поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда.*** Группы населения, реализующие конструктивные и инновационные стратегии поведения (такие как открытие и расширение бизнеса, рост интенсивности труда, поиск основной работы, дополнительная занятость, трудовая миграция, требование повышения заработной платы и регулярности ее выплат, имеют более высокие доходы) в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии либо сумели преодолеть такую ситуацию (*Приложение 4, табл. 16*). Экономическое поведение социальных групп, находящихся в настоящее время в ситуации эксклюзии, характеризовалось реализацией преимущественно традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям, к ним относятся занятость в ЛПХ, различные формы неформальной низкоэффективной занятости (например, батрачество). Каждый пятый «постоянно бедный» за последние 10 лет и 16% «новых бедных» не предпринимали специально никаких действий для улучшения

своего положения на рынке труда (среди «бывших бедных» таковых нет) - *Приложение 4, табл. 16.*

В условиях эксклюзии сельские жители вынуждены реализовывать специфические стратегии поведения. Так, при длительных задержках заработной платы около половины наемных работников живут главным образом за счет ЛПХ, каждый пятый добивается выплаты заработной платы, обращаясь к директору, в администрацию предприятия (результатом такой активности чаще всего является частичная выплата зарплаты в натуральной форме, покупка продуктов в магазине предприятия «под зарплату»), ищут дополнительные источники доходов (берут деньги в долг, продают имущество, занимаются сбором грибов и ягод и др.) и «экономят на всем» (*Приложение 4, табл. 17.*)

В условиях безработицы основной стратегией трудоустройства сельчан является поиск любой подходящей работы путем обращения к родственникам и знакомым, в государственную службу занятости, непосредственно на предприятия, в местные органы власти (администрацию села, района) - *Приложение 4, табл. 18-19.*

Специфика сельского рынка труда, где положение наемного работника крайне неустойчиво и незащищено, нашла свое отражение в прожективных оценках опрошенных селян относительно предпочтительных сфер своей занятости. На вопрос «Если бы у Вас был выбор, то чтобы Вы предпочли?», почти половина (48%) респондентов ответили так: «Иметь собственное дело и ни от кого не зависеть». Быть наемными работниками пожелала только треть опрошенных, заниматься только ЛПХ согласились бы 7% респондентов, и совсем не работать предпочли около 4% (*Приложение 4, табл. 20.*)

Факторы и механизмы формирования активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда

Факторы, детерминирующие экономическое поведение населения и возникновение (обострение) или преодоление социальных эксклюзий, в значительной степени совпадают. Важнейшими из них являются состояние экономики и социально-экономическая политика в регионе, положение населения на рынке труда, его интересы и мотивация (*табл. 5.*)

В годы реформ в аграрном секторе экономики произошли кардинальные изменения, они проявились в развитии многоукладности, неэффективной «капитализации», экспансии мелкотоварного производства, деградации социальной сферы села [12]. Динамика валовой продукции сельского хозяйства в изучаемых регионах характеризовалась крайней неустойчивостью, при этом в 1992-1998 гг. (1992-1997 гг. – в Алтайском крае) преобладающей была тенденция к сокращению объемов производства, в 1999 (1998)-2002 гг. господствовала тенденция к их наращиванию. Ведущим сектором аграрной экономики стали

не акционированные коллективные хозяйства и фермерские хозяйства, а личные подсобные хозяйства. Доля ЛПХ в сельскохозяйственном производстве в анализируемый период увеличилась более чем в два раза и превышала в отдельные годы 50%. При этом преимущественная занятость в ЛПХ для подавляющего большинства сельских жителей являлась исключительно вынужденным выбором. В результате институциональных преобразований резко увеличилось число убыточных хозяйств. Так, если в 1990 г. в Алтайском крае имелось одно убыточное хозяйство из 697 крупных и средних хозяйств, то в 1997 г. их насчитывалось 92%, а в 2002 г. – 60% (Приложение 4, табл. 21-22, рис. 1). Главные причины их нерентабельности заключаются в усилении диспаритета цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы, высоких налогах, недоступности кредитов, изношенности основных фондов, а также в том, что при изменении организационно-правового статуса колхозов и совхозов суть экономических отношений зачастую оставалась прежней. Передача объектов социальной сферы с баланса сельскохозяйственных предприятий на баланс местных администраций, не располагающих достаточными финансовыми и материально-техническими ресурсами на их содержание и развитие, привела к сокращению деятельности и закрытию в ряде поселков учреждений культуры, образования, здравоохранения; резко сократилось новое строительство объектов социальной сферы.

Таблица 5

Оценка значимости факторов экономической активности и социальной эксклюзии

Факторы	Экономическая активность	Ситуация эксклюзии	Состояние эксклюзии
<i>Состояние экономики</i>	+++	+++	
<i>Социально-экономическая политика</i>	+++	+++	
<i>Характеристики населения, в т.ч.:</i>			
Пол	-	++	-
Возраст, здоровье	+	++	-
Место жительства	+++	++	++
Образование, опыт, квалификация	++	++	+
Статус занятости	+++	+++	+
Отраслевая принадлежность занятия	++	++	-
Материальное положение семьи	+++	+++	+++
Экономическая активность		++	++

Условные обозначения:

-- отсутствие связи

+ - слабая связь

++ - существенная связь

+++ - сильная связь

Сельский рынок труда, как и общероссийский рынок труда в целом, характеризовался падением экономической активности населения, появлением новых видов

и форм занятости, невысоким уровнем официально зарегистрированной безработицы при значительных размерах реальной и скрытой безработицы, высоким удельным весом застойной и хронической безработицы, значительной возрастной и территориальной асимметрией, сочетанием сверхзанятости одних категорий населения с отсутствием занятости у других, снижением реальной заработной платы и ростом неоплачиваемой занятости, распространением неформальных трудовых отношений. К особенностям же сельского рынка труда относятся более низкий уровень экономической активности и занятости населения, здесь выше показатели безработицы и другие индикаторы напряженности, наблюдаются их значительные сезонные колебания, хуже качественные характеристики рабочей силы и ниже ее цена, более массовое распространение натуроплаты и неоплачиваемой занятости, а также территориальная отдаленность и небольшое число формальных посредников в трудоустройстве сельских жителей, крайне ограниченные возможности альтернативного выбора рабочих мест и отсутствие навыков ведения торга по поводу размера заработной платы, условий и режима труда, предоставления социальных гарантий. Так, в 2002 г. в Алтайском крае уровень общей безработицы на сельском рынке труда составил 7,6%, а официально зарегистрированной – 3,3%, удельные веса безработных, ищущих работу более года, рассчитанные по данным государственной и ведомственной статистики, – 47% и 12% соответственно, просроченная задолженность работникам по зарплате в сельском хозяйстве только на крупных и средних предприятиях составляла 610 млн. рублей, что почти в три раза превышало аналогичный показатель в промышленности; численность экономически активного сельского населения за годы реформ сократилась на 2,3%, а реальная заработная плата в сельском хозяйстве, по нашей оценке, - почти в 4 раза (*Приложение 4, табл. 23*).

Влияние социально-экономической политики на экономическую активность сельского населения, а также на возникновение (обострение) или преодоление социальных эксклюзий осуществлялось через налоговый механизм, кредитную политику, преференции, санкции, социальное партнерство и другие механизмы. Введение в последние годы недифференцированной шкалы подоходного налогообложения, снижение налогового бремени на фонд заработной платы и прибыль, предоставление в отдельных регионах льготных кредитов на профессиональное обучение, использование государственных субсидий, выделяемых работодателям на сохранение рабочих мест, повышение минимального размера пособия по безработице и выплат на иждивенцев способствовали как непосредственному росту занятости населения, так и возвращению части экономически неактивного населения на рынок труда.

Социально-экономическое положение сельских жителей на рынке труда определялось уровнем заработной платы и других доходов, масштабами накопленной и располагаемой собственности, условиями труда, уровнем образования и квалификации, развитостью социальных связей (*Приложение 4, табл. 24-25*). Ведущими мотивами экономической активности сельских жителей в годы реформ являлись стремление выжить, повысить доходы и материальное благосостояние своих семей, желание самореализоваться в работе и бизнесе, более полно использовать имеющиеся знания, квалификацию, опыт; стремление повысить свой профессиональный и должностной статус. Так, например, наемные работники считают наиболее важным в трудовой деятельности размер заработной платы (почти 90% ответов) и регулярность ее выплаты (77%), от 30 до 40% респондентов отмечают условия и режим труда, выплату премий и других доходов кроме зарплаты, а также различного рода социальные льготы, предоставляемые работникам на предприятии, для каждого пятого работника важным является социально-психологический климат в трудовом коллективе (*Приложение 4, табл. 26*).

Анализ факторов и механизмов формирования активности населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда в годы реформ показал, что: 1) социально-экономические и социально-политические факторы являются в настоящее время определяющими в трансформации экономической активности населения и распространении, углублении социальных эксклюзий; 2) особую роль играют факторы макроуровня, как общероссийские, так и региональные, при этом, как показали результаты опроса экспертов, особо выделяется значимость федеральной политики; 3) среди факторов микроуровня наиболее важными являются состояние локального рынка труда (района, поселка) и социально-экономическое положение на нем сельчан.

Политика регулирования сельского рынка труда и направления ее совершенствования

Наиболее распространенным методом регулирования рынка труда является программирование. Ретроспективный анализ программ содействия занятости населения, реализованных в Новосибирской области, Алтайском крае и Республике Алтай в 1992-2002 гг., позволил выявить высокую степень их преемственности в части провозглашаемых целей и задач, направлений и приоритетов. Эти программы ограничивали свое действие преимущественно официальным рынком труда. Основным источником их финансирования в рассматриваемый период являлся фонд занятости (до 2001 г.) и федеральный бюджет. Современные программные мероприятия позволяют решать тактические задачи регулирования рынка труда, охватывают значимую часть (20-30%) нуждающегося в

государственной поддержке незанятого или находящегося под угрозой увольнения населения.

Важнейшими приоритетами региональной политики занятости являлись повышение конкурентоспособности граждан на рынке труда; профориентация, обучение и содействие трудоустройству социально уязвимых групп населения; содействие сохранению и созданию рабочих мест; поддержка доходов безработных и лиц, находящихся под риском увольнения; оптимизация взаимодействий на рынке труда. Набор программных мероприятий в отдельных регионах примерно одинаков, однако масштабы и интенсивность их распространения различны и определяются в конечном счете возможностями бюджета и экономическим потенциалом соответствующих территорий. В традиционно развитых (Новосибирской области) они выше, в депрессивных и традиционно отсталых (Алтайском крае и Республике Алтай) – ниже.

Наряду с общими мерами в регионах осуществляется и ряд специфических мер. Так, в Новосибирской области в районах создаются машинно-технологические станции для комплексного выполнения агротехнических работ, осуществляется дифференцированный подход к занятости отдельных категорий сельской молодежи и женщин, проводится эксперимент по тарифному стимулированию роста объемов востребованной на рынке продукции, в том числе сельскохозяйственной, через снижение тарифов на электроэнергию, отрабатываются технологии дистанционной переподготовки безработных из отдаленных районов. В Республике Алтай при содействии службы занятости развиваются народные промыслы и ремесла, в самых отдаленных поселках открываются художественные мастерские, развивается «зеленый» туризм, ежегодно порядка двадцати безработных проходят подготовку по специальностям «менеджер по туризму», «организатор семейного туризма», «проводник-экскурсовод», для более успешной адаптации сельчан на рынке труда используются национальные игры. В Алтайском крае особое внимание уделяется поддержке ЛПХ, развитию сельского предпринимательства, социальной адаптации и психологической поддержке незанятого населения через клубы и курсы ищущих работу «Новый старт», «Перспектива», «Содействие».

Существует противоречие между декларируемыми и фактически реализуемыми приоритетами политики занятости. В оценке экспертами важности мероприятий содействия занятости лидируют меры активной политики занятости, однако в структуре расходов на программные мероприятия преобладают выплаты пособий по безработице. Изменение механизма финансирования государственной политики занятости в 2001 г. еще в большей степени усиливает это противоречие. Так, в Алтайском крае в бюджете фонда занятости за 1998-2000 гг. расходы на мероприятия пассивной политики составляли около 60%, в 2002 г.

доля этих расходов в суммарных затратах превысила 75%, а в отдельных районах – 80% (Целинный, Михайловский и др.). По мнению экспертов, экономия на активных программах многократно увеличивает «пассивные» расходы.

В сельской местности программные мероприятия нацелены в основном на жителей районных центров и близлежащих поселков, что обусловлено локализацией этих мероприятий преимущественно в райцентрах, экономической и транспортной недоступностью центров занятости для жителей периферийных сел, а также территориальной удаленностью рабочих и ученических мест, создаваемых при содействии государственной службы занятости. Вместе с тем, повышение в 2002 г. минимального размера пособия по безработице и доплат на иждивенцев увеличило приток в центры занятости новых безработных, в том числе из отдаленных сел.

С точки зрения социальных критериев все мероприятия, реализуемые в рамках программ содействия занятости, являются эффективными, поскольку повышают качество рабочей силы, способствуют ее вступлению или возвращению в сферу занятости, поддерживают доходы безработных граждан. При оценке экономической эффективности главные проблемы состоят в повышении степени обоснованности затрат, отсутствии или недоступности соответствующей информации, недостаточном финансировании мероприятий содействия занятости и слабой координации деятельности региональных и местных органов управления. Субъективные оценки населения и экспертов государственной политики занятости в регионах относительно невысоки и составили в среднем 2,5-2,7 балла по пятибалльной шкале.

Анализ предложений экспертов по совершенствованию современной политики регулирования сельского рынка труда можно свести к следующим основным направлениям повышения экономической активности населения и преодоления (недопущения) социальных эксклюзий:

1) в области содействия трудоустройству, создания и сохранения рабочих мест: совершенствовать нормативную базу по вопросам занятости населения и механизм финансирования активных программ занятости, увеличить объем бюджетных средств на реализацию активной политики занятости населения, ввести социальную экспертизу региональных и муниципальных проектов целевых программ по созданию и сохранению рабочих мест, разработать и реализовать механизм постепенной передачи федеральных бюджетных средств на региональный и затем муниципальный уровни, совершенствовать государственную региональную и муниципальную политики инвестирования средств в развитие сельского хозяйства и на создание новых рабочих мест, конкретизировать права и обязанности сельских работодателей по созданию и сохранению рабочих мест, проводить

особую политику трудоустройства жителей сел, оставшихся без работодателей,

2) *в области поддержки сельхозпроизводителей:* сформировать государственную аграрную политику поддержки отечественного производителя сельхозпродукции, включающую финансовую поддержку регионов сельскохозяйственной специализации; совершенствовать государственное регулирование цен на сельскохозяйственную продукцию и материально-технические ресурсы аграрного назначения, принять меры для снижения диспаритета цен, развивать систему госзаказа на сельхозпродукцию, способствовать развитию сельхозпереработки и сельхозкооперации, оказывать помощь в расширении каналов сбыта сельхозпродукции, совершенствовать налоговую и кредитную политики, постепенно снижать налоговую нагрузку на сельхозпроизводителя, развивать кредитование, в т.ч. лизинговое, совершенствовать нормативную базу в области поддержки малого бизнеса и ЛПХ, увеличить финансовую поддержку фермерских хозяйств, малых снабженческих и перерабатывающих предприятий,

3) *в области экономического стимулирования занятости и социальной защиты сельского населения:* разработать меры по повышению информированности населения об их социально-трудовых правах, развивать систему социального партнерства на селе, способствовать формированию стратегии защиты собственных интересов сельских наемных работников, создать условия для улучшения системы оплаты труда, ее своевременной выплаты и увеличения в зависимости от роста производительности труда, развивать систему адресной поддержки социально незащищенных групп населения на рынке труда,

4) *в области профессиональной подготовки кадров для сельского рынка труда:* разработать соответствующую программу на региональном и муниципальном уровнях, уделить особое внимание подготовке молодых специалистов и руководителей сельскохозяйственных предприятий, использовать различные механизмы их закрепления на селе (в т.ч. контрактную систему обучения, выделение жилья, установление достойной заработной платы).

Заключение

Результаты исследования позволили выявить значительные масштабы и разнообразие проявления социальных эксклюзий на сельском рынке труда, таких как безработица, низкая заработная плата, ее многомесячные задержки и выплата в натуральной форме, отсутствие многих социальных гарантий в социально-трудовой сфере, ограничение свободы профессионального выбора и выбора сферы занятости, широкое распространение неправовых трудовых практик и неформальных видов занятости, низкий уровень информированности о трудовых правах. На современном рынке труда в группу риска

социальной эксклюзии попадают бедные или низкооплачиваемые работники (преимущественно занятые в сельском хозяйстве), длительно или постоянные безработные, а также безработные в семьях с низким материальным положением, представители старшего трудоспособного возраста, лица с низким уровнем образования (часто без профессионального образования), женщины. Велика прослойка тех, кого трудности перестроечных лет превратили в сельских люмпенов (свыше 10%). Они нигде не работают, не ведут домашнее хозяйство, нередко прибегают к неправым действиям, злоупотребляют алкоголем. Особую тревогу вызывают дети и подростки из семей группы риска.

Экономическое поведение сельского населения на рынке труда отличалось большей традиционностью, консервативностью и пассивностью в сравнении с поведением горожан. Наиболее распространенной стратегией поведения сельчан стало ведение личного подсобного хозяйства. За годы экономических преобразований они смогли удвоить объемы производства в своих хозяйствах, увеличить товарность последних исключительно за счет роста затрат собственного труда, и, таким образом, сохранить или даже несколько улучшить материальное положение своих семей, в крайнем случае выжить. Занятость в ЛПХ стала исключительно вынужденным выбором для подавляющего большинства сельских жителей.

В ходе исследования подтвердилась гипотеза о взаимосвязи экономического поведения населения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда. Группы населения, реализующие конструктивные и инновационные стратегии поведения, в меньшей степени подвержены риску социальной эксклюзии либо сумели преодолеть такую ситуацию. Экономическое поведение социальных групп, находящихся в настоящее время в ситуации эксклюзии, характеризуется реализацией преимущественно традиционных и деструктивных стратегий адаптации к новым экономическим условиям. Свыше 20% «постоянно бедных» за последние 10 лет и 16% «новых бедных» не предпринимали специально никаких действий для улучшения своего положения на рынке труда (среди «бывших бедных» таковых нет).

Социально-экономические и социально-политические факторы и механизмы являются в настоящее время определяющими в формировании социальных эксклюзий и экономического поведения населения на сельском рынке труда. При этом главную роль играют состояние аграрной экономики и социально-экономическая политика.

Современная государственная политика регулирования сельского рынка труда отличается сравнительно низкой эффективностью на всех уровнях государственного и муниципального управления и недостаточно учитывает ситуацию на локальных рынках труда и специфику экономического поведения отдельных социальных групп. В политике регулирования сельского рынка труда необходим переход от преимущественно пассивных мер к активным, особое внимание важно уделять развитию социального партнерства и

инновационных механизмов активной адаптации рабочей силы в реальной экономике, формированию у представителей сельских наемных работников стратегии защиты собственных интересов и их самоорганизации в этих целях. Эксперты подчеркивают особую роль федеральной политики и необходимости постепенной передачи финансовых средств и экономических рычагов на региональный и затем муниципальный уровни.

Выявление особенностей экономического поведения и социальных эксклюзий на сельском рынке труда, характера их взаимовлияния и предложения по совершенствованию политики регулирования рынка труда направлены, в конечном счете, на формирование условий для снижения социальной напряженности, перераспределения ограниченных средств на социальную защиту, в пользу объективно проблемных категорий населения, уменьшения концентрации бедности среди сельского населения, сокращения чрезмерной нагрузки государства по поддержке дотационных регионов и аграрного сектора.

Результаты исследования представлены в 11 статьях и других публикациях (*Приложение 6*), ряде аналитических записок для региональных и муниципальных органов управления, в виде докладов на международных, всероссийских, региональных конференциях (*Приложение 7*), размещены на WWW-сервере Центра социально-экономических исследований и региональной политики (www.center.alt.ru). Кроме того, материалы проекта используются в подготовке и чтении курсов экономической социологии, социологии труда, социологии управления, социальной политики, управления региональной экономикой для студентов Алтайского и Новосибирского госуниверситетов и других вузов.

Библиография

1. Агабекян Р.Л. Рынок и занятость в переходной экономике. М.: Прометей, 2000. 279 с.
2. Артемов В.А. Село 90-х годов: тенденции повседневной деятельности сельского населения // Социс, 2002, №2. С. 61-70.
3. Бондаренко Л. «Состояние социально-трудовой сферы села» // Вопросы экономики, 1999, №7. С. 67.
4. Бородкин Ф.М. Преодоление социальной эксклюзии: новые подходы // Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. С. 507-537.
5. Васильев В.П. Инфраструктура села и занятость сельского населения: Учеб. пособие. Йошкар-Ола, 1999. 67 с.
6. Власова Н. О положении на рынке труда в сельской местности // Экономист, 2001, №9. С. 89-92.
7. Гимпельсон В.Е. Экономическая активность населения России в 1990-е годы. М.: ГУВШЭ, 2002. 45 с.
8. Ельчанинов П.М. Женская безработица на селе // Социс, 2001, №12.
9. Занятость и поведение домохозяйств: адаптация к условиям переходной экономики России / Под ред. В. Кабиной и С. Кларка. М.: «Российская политическая энциклопедия», 1999.
10. Заславская Т.И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. М.: Дело, 2002. 568 с.
11. Заславская Т.И., Рывкина Р.В. Социология экономической жизни: очерки теории.– Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. 448 с.
12. Калугина З.И. Парадоксы аграрной реформы в России: социологический анализ трансформационных процессов. 2-е издание. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 2001. 196 с.

13. Капелюшников Р.И. Российский рынок труда: адаптация без реструктуризации. М.: ГУВШЭ, 2001. 307 с.
14. Кодекс законов о труде в РФ. Новосибирск, 2002.
15. Курбатова М.В. Рынок труда: теоретические проблемы, тенденции становления российской модели / М.В. Курбатова; М-во образования Рос. Федерации, Кемер. гос. ун-т. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2001. 200 с.
16. Малашихина Н.Н. Поведение хозяйствующих субъектов аграрной сферы в условиях экономической неопределенности: Дисс. к.э.н.: 08.00.01. Ростов н/Д, 2000. 157 с.
17. Матвиенко В. Социальная политика в постсоциалистическом обществе: задачи, противоречия, механизмы: [Монография]. М.: Наука, 2001. 646 с.
18. Никулин А.М. Из колхоза – на ферму, в глубинку, в кооператив, в холдинг, в асьенду? // Кто и куда стремится вести Россию?.. Актеры макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МШСЭН, 2001. С. 236-246.
19. Обзор занятости в России. Вып.1 (1991 – 2000 гг.). М.: ТЕИС, 2002. 352 с.
20. Плюснин Ю.М. Психология материальной жизни: Парадоксы сельской «экономики выживания» // ЭКО, 1997, №7. С. 169-176.
21. Повседневная жизнедеятельность и трудовое поведение работающего населения / Институт социологии РАН. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998.
22. Полякова Н.В. Экономическое поведение. Иркутск: Изд-во ИГЭА, 1998.
23. Преодоление (материалы Международной весенней школы «Социальные эксклюзии в переходном обществе: пути преодоления») / Под ред. Ф.М. Бородкина. Новосибирск: Издательский Центр «ДАР», 2000.
24. Радаев В.В. Экономическая социология. Курс лекций: Учебное пособие. М., 1997. 368 с.
25. Рефлексивное крестьяноведение: Десятилетие исследований сельской России / Под ред. Т. Шанина, А. Никулина, В. Данилова. М.: МВШСЭН, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2002. 592 с.
26. Регионы России. В 2-х томах. М.: Госкомстат, 2001.
27. Родионова А.Г. Современное сельскохозяйственное предприятие и стратегии выживания сельских сообществ: Симбиоз функций и величин // Неформальная экономика: Россия и мир. М.: Логос, 1999. С. 219-226.
28. Россия, которую мы обретаем / Отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука, 2003. 728 с.
29. Российский статистический ежегодник. М.: Госкомстат, 2001.
30. Социально-экономическое положение Алтайского края. 2002 год: Доклад / Алт. кр. ком. гос. стат. Барнаул, 2003. 71 с.
31. Социально-экономическое положение регионов СФО за 2002 год: Стат. бюл. / Алт. кр. ком. гос. стат. Барнаул, 2003. 177 с.
32. Социальные траектории реформируемой России: Исследования Новосибирской экономико-социологической школы / Ред. кол.; отв. ред. Т.И. Заславская, З.И. Калугина. Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 1999. 736 с.
33. Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Под ред. З.Т. Голенковой. М.: Изд-во Института социологии РАН, 2000. 481 с.
34. Троцкий А.Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации / Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН. Новосибирск, 1997. 249 с.
35. Фадеева О.П. Сибирское село: альтернативные модели адаптации // Крестьяноведение. Теория. История. Современность.: Ученые записки / Под ред. В. Данилова, Т. Шанина М., 1999. 234 с.
36. Федотова Н.Н. Стратегии поведения на рынке труда: Информационно-аналитический обзор / Авт.-сост.: Н.Н. Федотова, И.А. Шокина. Саратов: Изд-во Поволж. межрег. уч. центра, 2000. 37 с.
37. Хуселаннс Р., Мехран Ф., Верма В. Обследования экономически активного населения: занятость, безработица и неполная занятость: Методологическое руководство МБТ: Пер. с англ. В 2 кн. / Кн. 1 М.: АО «Финстатинформ», 1994.
38. Чернина Н.В. Эксклюзия сельского населения: опыт социологического исследования // Сибирская деревня в период трансформации социально-экономических отношений. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1996.
39. Чукреев П.А. Социальные технологии регулирования занятости в условиях регионального рынка труда: Учебн. пособие. Улан- Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2000. 149 с.

40. Чураков В.Я. Кризис российской деревни: реалии и прогноз. М.: РГАТиЗ, 2000. 303 с.
41. Шуваев А.В. Формирование и регулирование рынка труда на селе: Вопросы теории и практики. Ставрополь, 2001. 212 с.
42. Экономическая активность населения России (по результатам выборочных обследований), 2002: Стат. сб. / Госкомстат России. М., 2002. 190 с.
43. Экономическое поведение населения агропромышленного региона в годы реформ / Под ред. А.М. Сергиенко, Л.В. Родионовой. Барнаул: Изд-во «Азбука», 2001. 300 с.
44. Berghman, J. Social exclusion in Europe: policy context and analytical framework // Beyond the threshold: The measurement and analysis of social exclusion/ G. Room, ed. Policy Press, Bristol. 1995.
45. Beyond the threshold: The measurement and analysis of social exclusion / G. Room, ed. Policy Press, Bristol. 1995.
46. Gallie D., Paugam S., Jacobs S. Unemployment, poverty and social isolation: Is there a vicious circle of social exclusion? // European Societies. Vol.5.- 2003.- №1, pp. 1-32.
47. Labor employment and social policies in the EU enlargement process: Changing perspectives and policy options / Bernard F., Lodovico P., ed. - Washington World. Cop. 2002. XX. 406 p.
48. Layte R., Whelan C.T. Cumulative disadvantage or individualization? A comparative analysis of poverty risk and incidence // European Societies. Vol.4. 2002. №2, pp. 209-233.
49. Marshall T.H., Habermas J. Citizenship and transition in Eastern Europe // World Development. Vol. 21. 1993. №8, pp. 1313-1328.
50. Mayes D., Berghman J. and Salais R. Social exclusion and European policy. Edward Elgar, Cheltenham. 2001.